ПО ЖИВОМУ

ПРОЦЕСС УСТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ В 1944–1945 ГОДАХ

Вопросы, связанные с установлением западной границы СССР в период Второй мировой войны, до сих пор остаются одними из малоизученных в отечественной историографии.

В условиях жесткого моноидеологического давления советская историческая наука была призвана апологетически показывать внешнюю политику СССР, что исключало публикацию материала, не соответствующего официальной доктрине. Наряду с этим, нельзя не отметить изданные в советский период сборники документов и материалов международных конференций *[1; 2]*, а также по истории межгосударственных отношений *[3]*, которые существенно расширили представление о процессе формирования западной границы СССР в 1941–1945 годах.

Общественно-политические перемены второй половины 1980-х – 1990-х годов дали начало новому этапу в исследовании дипломатической истории Второй мировой войны. Исчезновение цензуры вместе со свободным доступом к ряду закрытых ранее архивных фондов стимулировали интерес отечественных специалистов к изучению этой проблематики. Процесс формирования белорусско-польской границы в их работах нашел отражение преимущественно в контексте дипломатической борьбы за влияние в Восточной Европе *[4; 5; 6]*, а также в показе обстановки в Беларуси в период установления новых рубежей *[7; 8]*. В. Снапковский рассматривает определение советско-польских рубежей в 1943–1945 годах как одну из самых сложных проблем в отношениях держав антигитлеровской коалиции. Автор обращает внимание, что подготовка и заключение руководством СССР соглашений о границе с Польшей были осуществлены без участия белорусских представителей, хотя непосредственно затрагивались национально-государственные интересы БССР *[4; 5]*.

Значительные результаты по интересующей нас теме достигнуты польской историографией. Необходимо отметить основанные на богатой базе источников работы П. Эберхардта *[9]*, Д. Боцьковского *[10]*, Х. Бартошевича *[11]*. В ряде исследований процесс преобразования границ рассматривается в контексте развития отношений между советским и польским эмигрантским правительствами или решения польского вопроса на международной арене *[12; 13; 14]*. В настоящее время, при всей обширности историографии, серьезной проблемой для историков остается еще недоступность многих архивных, прежде всего советских, источников.

Формирование советско-польской границы в период Второй мировой войны прошло через несколько основных этапов. Важнейшим рубежом в этом процессе стала Тегеранская конференция «Большой тройки» в 1943 году, когда за основу будущей западной границы СССР участниками переговоров была принята линия Керзона *[1, с. 146–151]*. Не оформленное в виде международного договора, это соглашение, в принципе, предопределило позднейшие договоренности на высшем уровне.

Наступление Красной армии и пересечение ее войсками в начале января 1944 года бывшей границы с Польшей обусловило необходимость обнародования позиции советского правительства по вопросу послевоенных западных рубежей СССР. В заявлении от 11 января 1944 года утверждалось: «Советское правительство не считает неизменными границы 1939 года. В эти границы могут быть внесены изменения в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти по так называемой линии Керзона, которая была принята в 1919 году Верховным советом союзных держав» *[3, т. 8, с. 21–22]*. Руководство БССР, как и прежде, выступало за восстановление западной границы своей

Виталий БАРАБАШ, кандидат исторических наук

республики по состоянию на 1941 год. Председатель Президиума Верховного Совета (ВС) БССР Н. Наталевич отметил в докладе на 6-й сессии ВС БССР в марте 1944 года, что к Польше не должно отойти большинство районов Белостокской области. Он обратился к ВС БССР с просьбой рассмотреть вопрос о границах и попросил советское правительство при определении границы между СССР и Польшей учесть законное и справедливое желание белорусского народа объединить все его исконные земли в единое белорусское советское государство *[5, с. 51]*. Есть сведения, что первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономаренко добивался того, чтобы оставить в границах Беларуси Бельский район *[15, с. 162]*. Партийные руководители Белостокской области также обращались в вышестоящие инстанции по вопросу о восстановлении прежней западной границы БССР. В письме от 5 апреля 1944 года первый секретарь Белостокского обкома партии В. Самутин просил Пономаренко прояснить сложившуюся ситуацию. В пропагандистской работе члены обкома исходили из установки ЦК КП(б)Б о неизменности границ. Однако, дезориентированный заявлением от 11 января 1944 года, Самутин спрашивал: «Правильно ли будет посылать уполномоченного ЦШПД и БШПД... в район, о котором в заявлении Советского правительства говорится, что оно при определенных условиях согласно на отход этого района к Польше? Не находятся ли эти действия в противоречии друг с другом?» *[16, л. 4–5]*.

В освобожденном Белостоке. Август 1944 года
Фото Э. Евзерихина

Все более растущее беспокойство за будущее Белосточчины отчетливо видно в письме председателя Белостокского облисполкома П. Ратайко и члена бюро облисполкома А. Эльмана от 8 июля 1944 года, адресованном Пономаренко. В нем областные руководители уже были готовы смириться с возможностью передачи западных районов Польше, но любой ценой старались не допустить потери Белостока, а также Белостокского, Бельского и Заблудовского районов *[10, с. 269–273]*. Однако эти обращения остались без ответа как со стороны правительства СССР, так и руководства Беларуси, которое не имело полномочий и не проявляло инициативы рассматривать вопрос об изменении границы вопреки мнению Москвы.

Вместе с тем с весны 1944 года ЦК КП(б)Б развернул активные мероприятия по подготовке к установлению советской власти на всей территории Белосточчины после ее освобождения. Для усиления своего влияния Белостокское партизанское соединение дополнительно направляло в регион партизанские группы. Полным ходом шла подготовка формирования партийной и советской администрации, была начата комплектация кадров для государственных учреждений и промышленных предприятий региона *[10, с. 265–276]*. Складывается впечатление, что никто из белорусских партийных деятелей не сомневался в том, что Белостокская область будет неотъемлемой частью БССР. Однако Кремль реализовывал свои планы. Поскольку принципиальной позицией польского эмигрантского правительства являлось восстановление территориального статус-кво Польши на 1 сентября 1939 года, договориться с ним о признании линии Керзона в качестве будущей границы было нереально. Для осуществления своих стратегических целей И. Сталин с 1943 года, в ходе наметившегося перелома в войне в пользу Красной армии, начал формировать из польских коммунистов подконтрольные СССР органы власти будущей Польши. Вступление советских частей на территорию Белосточчины летом 1944 года ускорило данный процесс. Сразу после образования Польского комитета национального освобождения (ПКНО) в июле 1944 года с ним начались переговоры в Москве о советско-польской границе. Первоначально предложенная Сталиным пограничная линия на востоке оставляла СССР всю Беловежскую пущу и значительную часть Сувалщины. Однако, исходя из принципа этнографического раздела, в ходе дальнейших дискуссий польской делегации были сделаны уступки в отношении Сувалок и Августова. Одновременно, основываясь на заявлении правительства СССР от 11 января 1944 года, которое предусматривало модификацию линии Керзона в пользу Польши, представители ПКНО стремились добиться еще более выгодных корректив границы. Дис-

куссии развернулись, среди прочего, вокруг Беловежской пущи, расположенной к востоку от линии Керзона. Аргументация польской делегации основывалась на том, что Польша утратила в результате войны много лесных территорий. Беловежская пуща являлась базой для промышленности г. Гайнувка и польским национальным парком. Глава ПКНО Э. Осубка-Моравский убеждал: «В случае Беловежской пущи нет национальных проблем, поскольку зубры и другие звери национальной принадлежности не имеют» *[9, с. 150–151, 155]*.

В результате упорства представителей ПКНО Сталин принял решение оставить на польской стороне г. Беловежа с частью пущи. Соглашение с ПКНО было заключено 27 июля 1944 года *[3, т. 8, с. 156–157]*. Это соглашение не являлось окончательным актом в соответствии с международным правом, поскольку оно было подписано с ПКНО, не признанным мировым сообществом как орган власти, в период, когда почти вся территория Польши находилась еще под немецкой оккупацией, а существовавшие тогда условия исключали ратификацию договоренностей. Таким образом, соглашение от 27 июля 1944 года носило подготовительный характер для основного договора, который, как предполагалось, будет заключен после войны. Однако граница, которая тогда была принята, в течение года строго соблюдалась обеими сторонами, несмотря на еще продолжавшиеся дискуссии с союзными державами.

У руководства СССР не было сомнений, что проблема определения западных рубежей государства фактически решена. Поэтому сразу на освобожденных территориях Белосточчины советские войска стали возводить границу *[7, с. 39–40]*. Это было типичным для Сталина осуществлением своей политики методом свершившихся фактов, при осознании того, что западные союзники не будут ему препятствовать.

Ни партийные деятели БССР, ни командование 2-го Белорусского фронта первоначально не были поставлены в известность о заключенном 27 июля соглашении с ПКНО о передаче Белосточчины и реализовывали прежние директивы ЦК КП(б)Б. С вступлением советских частей в Белосток 26 июля 1944 года были расклеены листовки о присоединении города к СССР. Началось формирование советской администрации, колхозов и совхозов, объявлена мобилизация в Красную армию *[17, с. 248]*.

В конце июля на Белосточчину стали прибывать деятели ПКНО, осведомленные о советско-польских договоренностях. В результате в Белостоке и на территории региона, в частности в г. Бяла-Подляска, около двух недель, до середины августа 1944 года, существовали два центра власти, а в первые дни даже три: органы БССР, ПКНО и представителей польского эмигрантского правительства – Делегатуры и Армии Крайовой (АК) *[18, с. 796–797; 19, с. 79, 85]*. В начале августа 1944 года советские функционеры получили распоряжение покинуть Белосточчину и выехать в Гродно, который становился центром новой области. Тем не менее продолжали активно действовать органы НКВД. Ими в середине августа был арестован аппарат Делегатуры, а также часть штаба Белостокского округа АК. На Белосточчине установилась полная власть ПКНО *[20, с. 244]*.

Возникает вопрос: почему действия белорусского руководства расходились с официальной позицией советского правительства о границе, изложенной в заявлении от 11 января 1944 года? Сомнительно, чтобы активизация деятельности на западном направлении могла происходить без одобрения Кремля. Это означает, что Сталин, проводя сложную игру, оставлял себе возможность маневра – быстрого отступления от своих обещаний и повторного включения в СССР Белосточчины, если бы что-то пошло вопреки его замыслу *[10, с. 269]*.

Соглашение от 27 июля 1944 года, а также последовавшее за ним соглашение от 9 сентября 1944 года между правительством БССР и ПКНО об обмене населением вызвали неоднозначную реакцию со стороны жителей приграничных районов. В начале августа 1944 года население Бельска узнало о том, что их город снова отходит к Польше, и это серьезно взволновало белорусов. По заявлению временного председателя горсовета Бурдей, «жители города, и особенно белорусы, с приходом Красной армии горячо взялись за восстановление города... Однако после слухов о том, что Бельск снова отходит к Польше, белорусы побросали работу, заявляя, что они не хотят восстанавливать город для поляков». К коменданту города стали стекаться

БАРАБАШ Виталий Васильевич.
Родился в 1966 году в г. Рудный Кустанайской области (Казахстан). В 1988 году окончил исторический факультет Гродненского государственного университета имени Я. Купалы. В 1988–1994 годах работал учителем истории в средней школе № 26 Гродно. С 1996 года – сотрудник кафедры общественных наук УО «Гродненский государственный аграрный университет».
Кандидат исторических наук (1999), доцент.
В 2007 году поступил в докторантуру БГУ.
Автор ряда научных публикаций.
Сфера научных интересов: Беларусь в советско-польских отношениях периода Второй мировой войны.

жители-белорусы с требованием выдать им документы на право выезда из Бельска на советскую территорию: за три дня поступило около 600 таких устных заявлений *[21, с. 174–175]*.

Белорусы Белосточчины собирали подписи и обращались в высшие инстанции. Так, 14 сентября 1944 года шесть тысяч белорусов Беловежи направили коллективное письмо в ЦК КП(б)Б, в котором высказали желание жить в Беларуси и просили «партию и правительство БССР присоединить г. Беловежа и Беловежскую пущу к БССР» *[23, с. 188]*. 6 октября 1944 года секретарь Гродненского обкома КП(б)Б А. Эльман сообщал о том, что «группа крестьян-белорусов Крынковского района обратилась к т. Сталину с письмом о присоединении их к Белоруссии» *[22, л. 52]*.

Обращения продолжались и в следующем году. С 18 по 20 июля 1945 года в НКИД БССР поступили заявления от белорусских жителей 21 деревни на Белосточчине с просьбой пересмотреть границу между Польшей и БССР и присоединить их к Беларуси *[23, с. 35]*.

Население возвращается в родные дома. Белостокская область. Июль 1944 года

Фото Э. Евзерихина

С другой стороны, имели место факты изъявления поляками приграничных районов Гродненщины желания отнести их населенные пункты к Польше. Так, в местечке Одельск в 1944 году ксендз проводил агитацию и собирал подписи за присоединение Одельска к Польше *[22, л. 52]*. Однако все обращения населения не были приняты во внимание властями.

Иногда недовольство изменившимся статусом государственной принадлежности у белорусов и поляков выливалось в межнациональные конфликты, как это произошло в окрестностях Беловежи *[24, с. 105]*. Правда, по-преимуществу они носили локальный характер.

Но в целом новая белорусско-польская граница вызвала неприятие у довольно значительной части населения с обеих сторон. О выборе людей свидетельствуют результаты обмена населением. Если в 1944–1946 годах из Польши в Беларусь выехало 27 806 человек, то из Беларуси в Польшу – 248 782 человека *[23, с. 162, 164, 213]*.

Выбор места жительства определялся не только стремлением воссоединиться со своим народом, но, в первую очередь, условиями жизни. На основе собственного опыта жизни в СССР (массовые репрессии, жесткая социально-экономическая политика) многие без симпатии относились к советской власти. На выезд в Польшу вместе с поляками нередко пытались регистрироваться и белорусы.

Официально соглашение о советско-польской границе было принято главами СССР, США и Великобритании на Крымской конференции 1945 года и с этого момента стало необратимым. В соответствии с ним западные рубежи Советского Союза должны были пройти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах на 5–8 километров в пользу Польши *[2, с. 251]*.

Окончательное утверждение советско-польской границы состоялось в ходе переговоров с новым Временным правительством национального единства Польской Республики, также подконтрольным руководству СССР, но признанным летом 1945 года мировым сообществом. Постановление Крымской конференции породило у польского Временного правительства определенные надежды на получение границы с СССР более выгодной, чем та, которая предусматривалась соглашением с ПКНО. Поэтому к переговорам с Советским Союзом шла тщательная подготовка. На основе документации польских экспертов был составлен меморандум к правительству СССР, содержащий проект польско-советской границы. В нем предусматривалось вхождение в состав Польши всей территории Беловежской пущи, исключая несколько северных лесничеств. Очевидно, что этот меморандум не был официально передан советской стороне. Это не означало, что представители СССР не были ознакомлены с предложениями, содержащимися в документе. Согласно принятой в тот период практике во время визитов правительственных делегаций государств Центральной и Восточной Европы, зависимых от СССР, наряду с официальными переговорами проводились неофициальные встречи более узким руководящим составом. На последних и принимались основные решения. Задача официальных переговоров состояла в подписании уже готовых документов. Вероятней всего, на одной из таких неофициальных встреч в августе в Москве руководители польской

делегации согласились принять пограничную линию соглашения от 27 июля 1944 года как окончательный вариант. Их надежды, связанные с коррективами границы, не оправдались. Сталин дал понять, что возможности для дальнейших уступок исчерпаны *[11, с. 396–402]*.

Договор между СССР и Польской Республикой был подписан 16 августа 1945 года. Статья 1-я договора гласила об установлении согласно решению Крымской конференции советско-польской государственной границы вдоль линии Керзона и об уступке дополнительно в пользу Польши части территории Беловежской пущи на участке Немиров – Яловка максимально на 17 км *[3, т. 8, с. 541–542]*.

Пограничная линия, определенная текстом договора, была подробно представлена в прилагающейся карте в масштабе 1:500 000. Однако из-за короткого времени ее подготовки, а также слишком малого масштаба в ней было много ошибок. Все эти внешне малосущественные неточности вызвали серьезные трудности в работе делимитационной комиссии при проведении границы на территории *[11, с. 401]*. Линия размежевания на многих участках была определена с игнорированием элементарных экономических принципов: большинство сельскохозяйственных угодий отделялось от жилых построек, во многих поселениях, через которые она проходила, группы домов оставались по разные стороны границы *[24, с. 104]*.

Таким образом, формирование и установление западной границы БССР (как и всей советско-польской) в годы Второй мировой войны оказалось на перекрестке устремлений разных политических сил. Если СССР в этом процессе принадлежала ведущая роль, то белорусское руководство фактически оказалось за кулисами политической сцены. Проблема белорусско-польской границы была подчинена решению стратегической задачи создания «зоны безопасности» на западных рубежах СССР. При этом меньше всего брались в расчет интересы простого населения, становившегося вновь заложником большой политики. С другой стороны, такие масштабные национально-территориальные трансформации, как перекраивание границ, перемещение населения и другие, никогда не происходили безболезненно. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. // Сб. док. в 6 т. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). – 175 с.
2. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. // Сб. док. в 6 т. – М.: Политиздат, 1984. – Т.4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). – 302 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений // Сб. док. в 12 т. – М.: Наука, 1963–1985. – Т. 7. – 1973. – 510 с.; Т. 8. – 1974. – 680 с.
4. Снапкоўскі У. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі 1944–1953 гг. / У. Снапкоўскі. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – 207 с.
5. Снапкоўскі, У. Беларусь у геапалітыцы і дыпламатыі перыяду Другой сусветнай вайны / У. Снапкоўскі // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 2. – С. 45–54.
6. Барабаш, В. Формирование белорусско-польской границы в период Второй мировой войны / В. Барабаш // Журнал международного права и международных отношений. – 2008. – № 2. – С. 36–41.
7. Сідлярэвіч, А. Фармаванне сучаснае беларуска-польскае мяжы ў дакументах і вусных успамінах (1944–1950) / А. Сідлярэвіч // Спадчына. – 2002. – № 2–3. – С. 35–43.
8. Рыбак, Н.А. Да пытання аб фарміраванні заходняй мяжы БССР у пасляваенны час (на прыкладзе Гродзенскай вобласці) / Н.А. Рыбак // Культура, наука, образование в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. / УО «ГГАУ». – Гродно, 2007. – С. 205–212.
9. Eberhardt, P. Polska granica wschodnia. 1939–1945 / P. Eberhardt. – Warszawa: Editions spotkania, 1993. – 224 s.
10. Boćkowski, D. Na zawsze razem. Białostocczyzna i Łomżyńskie w polityce radzieckiej w czasie Drugiej wojny światowej (IX 1939 – VIII 1944) / D. Boćkowski. – Warszawa: Neriton, 2005. – 333 s.
11. Bartoszewicz, H. Polsko-sowiecka umowa graniczna / H. Bartoszewicz // Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej XIX–XX wiek / kom. red. A. Ajnenkiel [i inni]. – Warszawa: Instytut Historii PAN, 1995. – S. 391–403.
12. Ślusarczyk, J. Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945 / J. Ślusarczyk. – Toruń: Wydawnictwo A.Marszałek, 2000. – 376 s.
13. Kowalski, W. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945): w 2 t. / W. Kowalski – Warszawa: Książka i wiedza, 1985. – T. 1. – 431 s.; T. 2. – 269 s.
14. Historia dyplomacji Polskiej (połowa X–XX w.): w 5 t. / pod. red. W. Michowicza. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. – T. 5. – 1999. – 845 s.
15. Мірановіч, Я. Навейшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг, 2003.
16. Поздравительные телеграммы: Военных советов 2-го, 3-го Белорусских фронтов и 1-го Прибалтийского фронта в связи с полным освобождением Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков и письмо Самутина, присланное из немецкого тыла на имя Пономаренко. 5 апреля – 4 августа 1944 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 568.
17. Kołakowski, P. NKWD i GPU na ziemiach polskich 1939–1945 / P. Kołakowski. – Warszawa: Bellona, 2002.
18. Gnatowski, M. Białostocczyzna w latach wojny i okupacji hitlerowskiej: w 2 t. / M. Gnatowski. – Białystok, 1979. – T. 2.
19. Gnat-Wieteska, Z. 30 Poleska Dywizja Piechoty Armii Krajowej / Z. Gnat-Wieteska. – Pruszkow, 1993.
20. Lisiewicz, P.M. Plan Burza. Wysiłek zbrojny Armii Krajowej 1944–1945 / P.M. Lisiewicz. – Warszawa: Instytut wydawniczy związków zawodowych, 1990.
21. Освобожденная Беларусь: документы и материалы: в 2 кн. / Сост. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2004–2005. – Кн. 1: Сентябрь 1943 – декабрь 1944. – 2004. – С. 174–175.
22. Докладные записки, спецсообщения, присланные в ЦК КП(б)Б о положении в западных областях Белоруссии. 1944 г. // НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 29. – Д. 33.
23. Вялікі, А. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.) / А. Вялікі. – Мінск: БДПУ, 2005. – 319 с.
24. Sula, D. Działalność przesiedleńczo-repatriacyjna Państwowego Urzędu Repatriacyjnego w latach 1944–1951 / D. Sula. – Lublin, 2002. – 200 s.